

Н.Б. Вахтин, А.Мустайоки, Е. Протасова

РУССКИЕ ЯЗЫКИ

The Russian language cannot be considered as united, equal, and monotonous wherever and whenever it is used. Dialects, sociolects, ethnolects, and contact varieties can be described and analysed both from formal and sociolinguistic points of view. The article provides a classification of the contemporary changes in the Russian language and serves as an introduction to the whole volume. The focus is on the various uses of Russian as a *lingua franca* and on their typical characteristics.

В периоды бурных исторических изменений, как известно, наблюдается ускорение всех языковых процессов – как обусловленных внутриязыковыми факторами, так и тех, которые индуцированы экстралингвистическими обстоятельствами. В первое десятилетие после русской революции об этом писали многие – см., например, (Карцевский 1923; Селищев 1928; Поливанов 1931; 1968 и др.).

Бурная историческая эпоха конца XX века, как и следовало ожидать, имела аналогичные последствия для изменений в русском языке (Земская 1996; Земская & Каленчук 2007; Крысин 2003 и др.). В настоящей статье мы не касаемся собственно языковых изменений; наша цель – очертить те процессы в русском языке, которые, как представляется, обусловлены языковыми контактами, прежде всего – появление разных вариантов русского языка, его *диверсификация* под влиянием миграций, расширения дву- и многоязычия и т.п.

Можно заметить, что ситуация с аналогичными изменениями в английском языке «старше» ситуации с русским минимум на столетие и потому значительно лучше изучена. Диверсификация английского изучена настолько хорошо, что тут можно уже сослаться на очень качественные полу-популярные книги, хотя бы на публикации Д. Кристалла (Crystal 2004; Кристал 2001) или М. Брэгга (Bragg 2004). Эти работы – существенное подспорье при исследовании современного положения с русским языком.

В последнее десятилетие исследования, посвященные процессам диверсификации русского языка после перестройки, появляются и в России (см., например, Алпатов 2000; Алпатов 2003; Белоусов, Григорян, Познякова 2001; Крысин 2000). Специально исследовались и варианты русского языка за рубежом (см., например, Земская 2001; Мустайоки & Протасова 2004; Протасова 2004, и др.).

Диверсификация русского языка может идти по нескольким направлениям. Очевидно, здесь можно выделить следующие варианты:

1. «Островные» варианты русского языка. Из «старых» примеров здесь можно привести языковые особенности уехавших из России староверов, язык некрасовских казаков, язык русских сибирских старожилов, язык эмигрантов «первой волны»: для этих вариантов характерна (и, видимо, неизбежна) консервация языкового состояния, замедление языковых изменений по сравнению с «материнским» («материковым») русским языком. Не вполне понятно, возникают ли подобные «островные» варианты сегодня.

2. «Контактные явления первого рода». Здесь прежде всего следует упомянуть русский язык русских в иноязычном окружении. Для современной ситуации это, в частности, язык так называемых «других русских» – то есть русскоязычного населения новых независимых государств (Казахстана, Таджикистана, Молдавии, Латвии, Эс-

тони и других), для которого характерно (и, видимо неизбежны) значительное число заимствований из языков «титульного» населения.

3. «Контактные явления второго рода». Это прежде всего русский язык, выученный людьми, для которых он не первый (и не «родной»): русский язык новых иммигрантов (в частности трудовых мигрантов), приезжающих в Россию на заработки, или просто спасающихся от нищеты или преследований у себя на родине. Для этих вариантов характерна сильная интерференция в русский из первого («родного») языка в языке первого поколения иммигрантов; русский язык их детей уже становится почти неотличим от языка окружения – однако в этом "почти" также заключены любопытные возможности для исследования.

Потенциальным материалом для исследования этих вариантов русского языка могут быть, как представляется, не только записи спонтанной устной речи, но и – с оговорками – письменные тексты: художественные произведения и публицистика, в том числе – материалы Национального корпуса русского языка, прежде всего его «устный» и «публицистический» подкорпус¹. В настоящей статье приводятся примеры использования письменных источников для исследования новых вариантов русского языка (а в сборнике в целом представлены разные варианты сбора данных).

Исследование данного материала осложняется еще и тем, что с социолингвистической точки зрения любая пара вариантов одного языка немедленно получает социальное измерение, то есть один из (региональных, контактных, да и любых других) вариантов становится социально маркированным: более престижным либо менее престижным. Это обстоятельство добавляет еще одно измерение к перечисленным выше типам вариантов русского языка: так, язык первой эмиграции явно престижнее, чем язык третьей (см. Земская 2001); язык русских старожилов в Сибири – социально непрестижный по сравнению со стандартным русским (см.: Вахтин, Головкин, Швайцгер 2004); язык «других русских» часто оказывается маркированным для носителей «основного варианта» (см.: Фирсов & Киселева 2002; Киселева & Дамберг 2001); язык недавних иммигрантов часто вызывает резко отрицательную реакцию у носителей русского языка как родного, и т.п.

Наконец, еще одним интересным «измерением» обозначенной проблемы становится усложняющаяся система «отношения к языку». С появлением новых вариантов русского языка автоматически расширяется спектр возможных установок по отношению к употреблению языка (*language attitudes*, см., напр., Garrett 2010), демонстрируемых носителями разных вариантов русского языка по отношению друг к другу.

Таков примерный круг проблем, рассматриваемых в данной статье.

* * *

Контактные разновидности, причины их появления и функции в дискурсе исследуются с позиций диалектологии, типологии, исторической лингвистики, мультикультурности, языковой политики (Fishman 1991; Haugen et al. 1990; Hetzer 1993; Milroy & Muysken 1995; Schüttpelz 1996; Миноритарные 2009; Текст 2010). Овладение вторым языком, двуязычие в институциональной ситуации, языковая интерференция, межкультурная коммуникация, самоидентификация и амбивалентный трансфер – важные параметры этих процессов (ср. Fisiak 1995; Gass & Selinker 1994; Jandt 1995; Labov 1994). При этом не всегда понятно, в какой момент происходит обособление того или иного языкового варианта, когда он становится чем-то иным (региональной разновидностью, другим языком) – см., например, (Bakker & Mous 1994; Mekacha 1993; Thomason & Kaufman

¹ В настоящее время в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН "Корпусная лингвистика" начались исследования по проекту "Интерферированные варианты русского языка", результатом которого станет создание специального корпуса вариантов русского языка.

1988; Головкин 2001). Когда совокупность изменений в языке оказывается превышающей некоторую критическую массу, свойственную так называемому «правильному» употреблению, говорят о языковой аттриции или коррозии (Clyne 1992; de Bot & Weltens 1995; Hansen 2001; K rpe et al. 2007; Груздева 2007; Pavlenko 2008; Seliger & Vago 1991; Waas 1996).

Несколько слов об истории.

Языковая ситуация в Древней Руси подробно описана в работах Б.А. Успенского (Успенский 1983, 1988, 1989, и др.; см., однако, Алексеев 1986; 1987). С появлением и расширением Российской Империи эта ситуация стала усложняться, прежде всего за счет «добавления» новых территорий и, следовательно, языков. В языковом отношении население Империи было очень разнородно, и не только потому, что первым, семейным («родным») языком многих был не русский, а какой-нибудь иной, например, польский, финский, грузинский, юкагирский. Многоязычие было частым явлением и среди обеспеченных слоев населения: родители могли говорить с детьми по-немецки, по-шведски, по-итальянски, по-французски, русские няни – на каком-либо русском диалекте, школьные учителя – на литературном русском. Дворянин говорил «с народом» не так, как с равными себе, не только потому, что умел общаться на иностранных языках, но и потому, что использовал другой «регистр». Многие сельские жители жили в ситуации несимметричной диглоссии: читать учились в церковноприходских школах на церковно-славянском языке, а говорили на местном диалекте. В России жили и обрусевшие иностранцы. О русской речи немецкого доктора Герценштубе рассуждает Ф.М. Достоевский в «Братьях Карамазовых»:

Надо прибавить, что он говорил по-русски много и охотно, но как-то у него каждая фраза выходила на немецкий манер, что, впрочем, никогда не смущало его, ибо он всю жизнь имел слабость считать свою русскую речь за образцовую, «за лучшую, чем даже у русских», и даже очень любил прибегать к русским пословицам, уверяя каждый раз, что русские пословицы лучшие и выразительнейшие из всех пословиц в мире. Замечу еще, что он, в разговоре, от рассеянности ли какой, часто забывал слова самые обычные, которые отлично знал, но которые вдруг почему-то у него из ума выскакивали. То же Самое, впрочем, бывало, когда он говорил по-немецки, и при этом всегда махал рукой пред лицом своим, как бы ища ухватить потерянное словечко, и уж никто не мог бы принудить его продолжать начатую речь, прежде чем он не отыщет пропавшего слова.²

В первые советские годы многоязычие активно поддерживалось в форме прежде всего национально-русского двуязычия (Алпатов 2000), насаждавшегося часто против воли нерусского населения (см. Вахтин 2001: 40–42). Позднее, в 1930-е годы, от этой политики отказались, и началась всеобщая русификация (см., например, Solchanuk 1984). Литературный русский язык как средство общения усердно насаждался в советской школе, что способствовало унификации, утрате или сглаживанию диалектных различий и резкому росту престижности стандартных форм языка.

Политика русификации, провозглашение русского народа «первым среди равных», а русского языка – «языком национального общения» и «естественным» языком «новой исторической общности людей – советского народа» (Белодед 1976; Филин 1977; Исаев 1978; Дешериев 1987) привели к постепенной – а для небольших языковых сообществ и к очень быстрой – утрате титульных языков: многие избегали говорить на родном языке и переходили на русский, стараясь и своих детей не учить родному языку – и чтобы не обижать окружающих, и из желания облегчить детям дальнейшую учебу, и из опасения вызвать подозрения: о чем это они там переговариваются?

² Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Часть четвертая. М.: Правда, 1991: 404–405.

Массовые перемещения людей, в том числе и насильственные (ссылки по классовому признаку, депортации целых народов, трудовые армии и т.п.³) часто имели своим побочным результатом изменение языковой ситуации: высланные оказывались в ином языковом окружении, их дети, даже если они и не забывали язык своего народа, как правило, выучивали русский как «второй родной». «...А приходилось ли вам когда-нибудь прислушаться к русскому языку чеченцев? – рассуждает писательница Белла Улановская. – Тогда вы, наверное, заметили, что говорят они почти как на родном, чем сильно отличаются от своих кавказских соседей. Поколение сосланных, потом поколение плотников Нечерноземья, затем поколение беженцев – неисчерпаемые возможности совершенствования русского языка»⁴.

После распада СССР ситуация вновь изменилась. В странах Балтии русскоязычному населению пришлось выучивать государственные языки, что стало условием получения гражданства – а в лингвистическом смысле привело к росту заимствований в русский язык из эстонского, латышского, литовского (см., например, Verzhik 2005; 2008). В странах СНГ обособились группы «других русских», имеющих свои языковые особенности. Свобода выезда из России и связанная с ней миграция, кратковременная или длительная, резко увеличила число носителей русского языка, освоивших те или иные иностранные языки. (Вряд ли найдется сегодня хоть одна страна в мире, где не звучал бы русский язык.)

Наконец, миграция в Россию вызвала появление обратной ситуации: носители разнообразнейших языков овладевают русским, и он становится для них средством общения, зарабатывания денег, получения образования. В каждом городе и во многих деревнях России появились семьи, не говорящие по-русски или знающие его недостаточно хорошо. Они стали героями художественных фильмов, документальных репортажей, а говорящие с акцентом превратились в постоянных героев телепередач, в том числе и юмористических. В скетчах имитируются различные акценты, иной взгляд на мир, своеобразное отношение к жизни (например, «Наша Раша», «Прожекторперисхилтон», «Украинский квартал», «Даешь молодежь»). Если раньше на слуху были, прежде всего благодаря анекдотам, грузинский, еврейский, армянский, псевдочукотский и эстонский варианты произношения, а еще раньше татарский, то сейчас палитра обогатилась собственно русскими диалектами и стилями, а также вариантами речи гастарбайтеров. Например, сериал о Равшане и Джамшуге и фильм «Яйца судьбы» сделал модными приколы, в которых используются фразы типа «Я кошками самоубилась сама», «Затем ругаюся, насяльника?», «фости нада стена забивать и молодой» (нужны гвозди, чтобы забить их в стену, и молоток), надписи «Пирриф» (перерыв), «10 клок смен» (10 кульков цемента) и т.п. Опыт сосуществования диалектов и смешанных вариантов речи накоплен большой. Он осмысливается рядом современных литераторов – Д. Гуцко, Г. Садулаевым и др.

Русский язык, «уехавший» за рубеж с эмигрантами, военнопленными, беженцами-староверами, давно существует вне России. Эмигранты в той или иной степени овладевали языками стран постоянного проживания. Историк и стилист Александр Васильев⁵ пишет: «В отличие от царских времен, когда в каждой приличной семье у ребенка было три учителя – английская мисс, немецкая фрейлейн и французская мадемуазель, в советскую эпоху методика преподавания языков была другой. Контакты с Западом в 1990-е годы в силу незнания языков строились чаще всего через бывших соотечественников третьей или четвертой волны эмиграции. Если учесть качественный состав этих волн, становится понятно, почему в России оказались все эти «шедевры стиля». Вуль-

³ Немецкий язык был запрещен в лагерях; известный ученый Б. Раушенбах общался со своими товарищами по-английски.

⁴ Улановская, Б. Сила топонимии / Личная нескромность павлина. Повести и рассказы. М.: Аграф, 2004: 210.

⁵ В книге «"Я сегодня в моде..." 100 ответов на вопросы о моде и о себе». М.: Этерна, 2008.

гарность именно тогда восторжествовала» (79). Русский язык перешел к автору «с генами бабушки и дедушки, но главным образом – от моей мамы, занимавшейся с актерами культурой сценической речи. А то, что я прожил во Франции двадцать пять лет, научило меня еще больше ценить русский язык, с особой тщательностью выбирать нужные слова и говорить на нем так, как, собственно, и говорили люди первой волны русской эмиграции, которые покинули Россию после революции и в результате Гражданской войны. Поэтому я, так сказать, учился говорить по-русски заново у тех носителей настоящего русского языка, которые, оказавшись в чужой стране, сохранили к нему любовь на всю жизнь» (133).

* * *

Для многих россиян именно возможность занять подобающее место в обществе благодаря совершенному владению русским языком оказывается важным. На форуме ⁶ Армине Григорян (так называет себя участник обсуждения) пишет 19.07.2010:

Отвечаю всем, которые пытаются меня убедить в том, что мы, кавказские женщины бесправные и не свободны. Все что я пишу, касается только армянкам, потому что нравы других кавказских народов знаю только понаслышке, и не могу судить. В течении того времени, которое я живу в России наслышалась такой срунды про нас, что даже смешно. Мол мы не сидим за одним столом с мужчинами, не имеем право даже рот открывать в присутствии мужа, что они нас изменяют, а мы это безмолвно принимаем, не имеем право выходить на улицу и тому подобное. И самое главное, что нас могут убить за мАлей-шее провинность. Дорогие вы мои, вы забываете, что в Кавказе живут много народов с очень разными обычаями, нравами, культурой, вероисповеданием. И нельзя судить про всех одинаково и только понаслышке.

Уверю вас, мы идим за одним столом с мужчинами, можем спорить, требовать, без мужа выходить на улицу, ревновать. И то что здесь говорится о том, что наши мужчины свою жену закрывают дома, а сами гуляют направо-налево, могу с уверенностью сказать, что русские мужья изменяют своих жен не меньше, чем наши. Это мужская сущность независимо от национальности.

А насчет убийства женщин, я за свою не короткую жизнь не помню хоть один случай убийства женщины. А в России в год погибает огромное количество женщин от рук своих мужей, сожителей, любовников.

Так что у нас "несвобода" ограничивается только в том, что нельзя пить, курить, изменять мужа, бросать детей. Если это можно называть несвободой. Дай бог всем таких ограничений в поведении.

Думаю, все мы знаем, что такое свобода, и что беспредел. У нас есть свобода, нету беспредела.

Извините за мою может сумбурную, может и с ошибками речь, но просто давно закипело.

Я не живу под страхом убийства, и не заставляйте меня еще раз говорить то-же СА-мое, что везде есть люди и хорошие, и плохие. А то, что некоторые уроды могут убивать женщину, я не считаю закономерностью для России. Вы все время пытаетесь ловить меня в оскорблении русского народа. Думаю, что вам нужно наконец-то перестать во всех чужих видеть врагов.

Да, вы все время упорно пытаетесь найти в моих словах скрытый, обидный смысл. Хотя я говорила совсем о другом. Думаю дальше дискутировать бессмысленно. Я тоже всегда и везде называю белое белым, черное черным. Но сначала пытаюсь максимально понимать мысли моего собеседника, потом высказать ему мою правду.

В прекрасной письменной речи этой женщины ошибок минимальное количество, их меньше, чем у многих «жителей Интернета», и они обычны для тех посетителей сайтов,

⁶ <http://gidepark.ru/post/article/index/id/76523?marketgid02100>

которые не знают орфографических правил или нарочито пренебрегают ими. Но есть и несколько черт, характерных именно для русского как неродного языка; они, как представляется, не могут встретиться у тех, кто вырос в среде «материкового» русского. Это: *бесправные и не свободны*, вместо *бесправны и не свободны* или *бесправные и не свободные*; *всем, которые*, вместо *всем, кто*; *касается армянкам*, вместо *касается армянок*; *изменяет кого*, а не *кому*; за *малейшее провинность* вместо за *малейшую провинность*; в *Кавказе живут много народов* вместо на *Кавказе живёт много народов*; *давно закипело* вместо *накипело*; *ограничивается только в том* вместо *ограничивается только тем*; *ловить меня в оскорблении* вместо *ловить на чем-то* или *уличать в чем-то*; т.е. глагольное управление, выбор конструкции, согласование в роде и выбор приставки во фразеологизме. Кажется, что есть ошибки странные: *идим* вместо *едим* и *панимать* вместо *понимать* могут быть либо опечатками, либо влиянием произношения, но не должны были бы встретиться на письме у автора такого высокого типа аргументации, будучи русский выученным с детства как родной.

В речи водителя-азербайджанца в июне 2010 г. в Москве встретилась фраза: «Метель дерева поломал». Из ряда номинаций «ураган, буря, буран, метель» вместо первого слова говорящий на русском как неродном выбрал последнее, которое предполагает, что был не только сильный ветер, но еще и снег, чего в июне быть не может. Интересно, что этот же ряд вызывает трудности у американского студента, выучившего русский дома, преимущественно от бабушки; по словам проф. О. Каган⁷, при пересказе Пушкинской «Капитанской дочки» этот молодой человек, посещающий курс русского языка как наследственного, говорил, что в повести речь идет о *буре* и *тиджаке* (вм. значимых в русской культуре *бурана* и *заячьего тулупчика*). Буран тоже предполагает наличие снега, а буря – дождя или снега. Этот азербайджанский водитель и американский юноша смогут понять друг друга. Детям, родившимся во время перестройки (в России или за ее пределами), уже по 20–25 лет, и у них рождаются дети, которые и вступают в по-новому многоязычный для носителей русского языка мир.

* * *

«Большие империи всегда создавали большие культурные пространства» (мысль Ю.М. Лотмана), скрепленные, в том числе, общим языком (ср. Kreindler 1984). Британская империя способствовала распространению английского языка по всему миру, что привело к изменениям в исходном языке: 1) появлению вариантов английского в Ирландии, Южной Африке, США, Канаде, Австралии, Новой Зеландии, Индии, Сингапуре и т.д.; 2) становлению диалектов американского английского и т.д.; 3) приспособлению его под нужды международного общения (в том числе вариант английского как лингва франка, используемый в международном общении, например, в сфере науки, культуры, бизнеса, торговли, туризма); 4) самоидентификации носителей английского языка с определенным вариантом. Например, в Австралии можно говорить либо на английском, близком к языку королевы, и тем самым подчеркивать свое верноподданство; на американском варианте и намекать на мировое господство; на гонконгском варианте и настаивать на том, что ты иммигрант; на местном варианте и отстаивать свою независимость, самобытность и особый стиль австралийского мышления. С другой стороны, в разных ситуациях допустимы переходы от одного способа речи к другому, игра стилями, подстраивание под собеседника.

Варианты английского языка рассматриваются с использованием различных подходов (например, Crystal 1990, Kachru 1992; Carli & Ammon 2007; Mesthrie & Bhatt 2008; Saxena 2010). Вариативностью в диахроническом и синхронном плане занимается социолингвистика; диалектология и социология языкового употребления с ней сопряка-

⁷ Выступление на 18-м съезде скандинавских славистов. 19.8.2010, Тампере: Университет Тампере.

саются, причем интересны даже малые варианты языка, существующие лишь внутри какой-то группы людей. Концепция международного английского представляет этот язык как глобальное средство коммуникации в различных вариантах, а также отчасти как идею стандартизации английского как общего языка (Global, World, Common, Continental, General English). Идея World Englishes (термин принадлежит американскому профессору гонконгского происхождения Braj Kachru; см. также работы Kirkpatrick 2007, 2010, и др.), наоборот, подчеркивает различия в разновидностях английского, сосредоточиваясь на выявлении общих черт в определенной стране. Журнал с одноименным названием посвящен исследованию английского языка в глобальном, социальном, культурном и лингвистическом контекстах. Большинство англоговорящих в мире выучили его в качестве второго языка, а те, кто пользуется им как родным, часто владеют фактически диалектом.

* * *

То обстоятельство, что люди говорят по-русски по-разному, как кажется, должно привлекать внимание ученых не только потому, что кто-то не овладел им полностью или в чьей-то речи заметна интерференция. Живые процессы в русском языке имеют определенные причины, и одной из них является контакт с иностранцами и билингвами, с носителями разных вариантов русского языка, с изучением иностранных языков и языков окружения. Независимо от желания образцовых носителей русского языка, миллионы тех, для кого русский – неродной или один из имеющихся в их распоряжении языков, разговаривают друг с другом и с носителями разных вариантов русского языка, используя такие речевые средства, которые позволяют осуществлять максимально успешную коммуникацию. Настало время изучить эти формы общения более подробно.

Вкрапления, заимствования, экзотизмы – с одной стороны, связаны с расширением лексики русского языка, например, дублетные слова *шаурма* (московское) и *шаверма* (петербургское), ставшие популярными, каждое по-своему, в разных российских местностях, так что можно проследить сферы влияния обеих столиц; эту же еду русский немец в Германии назовет *дёнером*, понтийский грек в Салониках – *гирсом*: разница между денотатами скорее зависит от кулинарных способностей изготовителя. В Москве не знают *хычин* – обычное слово (карачаево-балкарское по происхождению) в Петербурге и в Томске, и, поди знай, то же ли это самое, что *хушур* (из бурятского, в Иркутске) или *лихис* у ингерманландских финнов. Хотя безэквивалентная лексика имеет ограниченное применение, как писал А.Н. Гвоздев (1965), и такие слова казались варваризмами А.А. Реформатскому (1996: 75–76), а в других источниках их называли этнизмами, они могут осознаваться местным населением как локализмы («наше», «свое», «родное», «посконное»), а посторонними – как регионализмы («их», «чужое», «смешное», «непонятное»). Если в Подмосковье растут купальницы, у Байкала – жарки, у Енисея – огоньки, в Швеции – китайские масляные шарики, в Финляндии – летние золотца, то отражает ли номинация одного и того же растения «для своих» какое-то особое знание об объекте? Сорты сыров называются по-разному в большинстве стран, но сыр – это сыр, колеблется лишь граница между сыром и творогом у разных народов. Напротив, кисломолочные продукты типа простокваши, ряженки, йогурта, кефира, айрана и т.п. называются часто по-своему.

С другой стороны, особенно богаты местным колоритом переводы на русский язык национальной литературы, сказок, эпоса, выполненные в советское время, и им посвящались исследования. Все это вместе – переводы и исследования – необязательно отражало актуальный узус, но должно было продемонстрировать, что не только языки народов СССР заимствуют многое из русского, но и наоборот, поэтому лексический фонд взаимно обогащается.